

DOI: 10.31857/S086919080006962-5

ГЕРМАНО-ТУРЕЦКИЕ ОТНОШЕНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ:
ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

© 2019

Ф. О. ТРУНОВ ^a^a – Институт научной информации по общественным наукам РАН, Москва, РоссияORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7092-4864>; 1trunov@mail.ru

Резюме: Для традиционной политической модели стран Запада современное политическое поведение Германии и Турции является девиантным, что существенно влияет на положение дел как в Евроатлантическом сообществе, так и в сопредельных регионах. В этой связи большой интерес представляют вопросы, касающиеся отношений между двумя странами в военно-политической области. В статье делается оценка места Турции во внешней политике ФРГ в 2010-е гг.; при этом указывается на усиление роли турецкого фактора для германской стороны в связи с ростом нестабильности на Ближнем Востоке. Большое внимание уделяется динамике, промежуточным результатам и «болевым узлам» взаимодействия между Германией и Турцией по «сирийскому вопросу». Рассматриваются меры, принимавшиеся ФРГ по созданию и демонтажу инструментов военного присутствия на турецкой территории в 2013–2017 гг., а также причины и последствия политических решений Берлина. Отдельное внимание уделено политической подоплеке вывода контингента с базы Инджирлик как индикатора общего ухудшения германо-турецких отношений.

Кроме того, в статье исследуются шаги, сделанные Германией в целях поддержки курдских сил самообороны, действующих на севере Сирии и Ирака, а также меры по оказанию помощи центральному правительству в Багдаде с точки зрения ущемления турецких интересов. Прослеживается эволюция дипломатической составляющей германо-турецкого взаимодействия по «сирийскому вопросу». В этой связи рассматриваются меры сторон по поддержке «умеренной» оппозиции на различных этапах конфликта. Предпринята попытка очертить общеполитические контуры отношений между Берлином и официальной Анкарой в политико-военной области с учетом растущего дистанцирования Турции от ЕС. Отдельное внимание уделено особенностям диалога двух стран в рамках Североатлантического альянса. Прослеживается процесс снижения объемов и качества военно-технического сотрудничества Турции и Германии, определяются его основные детерминанты в реалиях 2010-х гг. Делается вывод о характере и будущей направленности основных направлений германо-турецких отношений в сфере международной безопасности.

Ключевые слова: Германия, Турция, бундесвер, Сирия, вооруженные конфликты, урегулирование, НАТО.

Для цитирования: Трунов Ф.О. Германо-турецкие отношения на современном этапе: военно-политические аспекты. *Восток (Oriens)*. 2019. № 5. С. 94–105. DOI: 10.31857/S086919080006962-5

GERMAN-TURKISH RELATIONS IN THE MODERN PERIOD:
POLITICAL-MILITARY ASPECTS

© 2019

Philipp O. TRUNOV ^a^a – Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, RussiaORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7092-4864>; 1trunov@mail.ru

Abstract: *The modern foreign policies of Germany and Turkey deviate from the traditional model of Western countries' political behavior. It leads to major shifts both in the Euro-Atlantic community and neighboring regions. In this regard it is interesting to explore the relations between the two countries in military-political sphere in the modern period. The paper evaluates the place of Turkey in German foreign policy in the early 2010s and shows the rise in its importance due to the growth of instability in the Middle East. The article pays attention to the dynamics, intermediate results and the most sensitive issues in the bilateral cooperation in the Syrian conflict regulation, as well as to Germany's steps in the direction of establishing and ending its military presence in Turkey in 2013–2017. In this regard special attention is paid to the withdrawal of German soldiers from NATO Air base in Turkey Incirlik as indicator of deterioration of bilateral relations. The paper adduces the reasons of these decisions and their consequences. The research paper investigates Germany's assistance to Kurdish self-defense forces in Northern Syria and Northern Iraq and also to Iraq's central government in Baghdad in the light of Turkish interests in the region. The paper discusses the diplomatic component of German-Turkish cooperation on the "Syrian question". In this regard the article explores the features of the support by each country of Syrian opposition during different periods of conflict. The author tries to show the political contours of the relations between Germany and Turkey in the security sphere. In this connection the more important fact is the growing distance between Turkey and the EU. The article pays special attention to the features of the dialogue between the two countries within NATO. The work traces the reduction in the volume and quality of military-technical cooperation between Germany and Turkey and determines its key reasons in the 2010s. The article concludes about the character and future direction of the key tracks of German-Turkish cooperation in the sphere of international security.*

Keywords: Germany, Turkey, Bundeswehr, Syria, armed conflicts, regulation, NATO.

For citation: Trunov Ph.O. German-Turkish Relations during the Modern Period: Military-Political Aspects. *Vostok (Oriens)*. 2019. No. 5. Pp. 94–105. DOI: 10.31857/S086919080006962-5

Нынешний период политического развития характеризуется динамичным перераспределением влияния как на глобальном уровне – прежде всего между западными и незападными державами, – так и на региональных подуровнях, в том числе внутри самого Евроатлантического сообщества. Показателен рост среди его государств-членов числа стран с девиантным внешнеполитическим поведением с точки зрения традиционных канонов Запада. Примерами таковых являются Германия и Турция. ФРГ в условиях кризиса трансатлантических отношений при администрации Дональда Трампа стремилась превратиться – в рамках НАТО – в параллельный американскому центр политического притяжения, двигаясь от положения региональной к статусу глобальной державы. В свою очередь, Турция демонстрировала отступление от магистральной линии стран – участниц Североатлантического альянса и резко дистанцировалась от Европейского союза в надежде утвердиться в роли влиятельного регионального игрока [Сулейманов, 2015]. То есть стремление к росту влияния на всех уровнях для Германии и Турции является общим стратегическим императивом. Достижение этой цели у обеих стран связано с увеличением интенсивности и масштаба военных и политико-дипломатических шагов на Ближнем Востоке, равно как и с эффективностью лоббирования своих интересов в рамках НАТО. Эти предпосылки обуславливают возникновение конкуренции как фактора развития германо-турецких отношений в контексте международной безопасности, что, однако, не исключает возможностей для взаимодействия и даже точечного сотрудничества.

Отечественные и зарубежные исследователи создали значительный массив литературы, касающейся внешней политики как Турции [Сулейманов, 2015; Шлыков, 2017], так и Германии [Павлов, 2005; Heribert, 2018], однако освещение их взаимоотношений в сфере международной безопасности в основном сводится к изучению противоречий между Анкарой и Берлином в вопросах сдерживания потоков беженцев из нестабильных и

«хрупких» стран Ближнего Востока, а также в решении «курдской проблемы» [Der Aufschwung..., 2015]. При этом подход Турции к решению указанных вопросов получил более детальное освещение, нежели подход властей ФРГ. В данной статье сделана попытка восполнить пробел в научных исследованиях, рассмотрев прежде всего действия официального Берлина.

ОСНОВНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ДИАЛОГА К НАЧАЛУ 2010-х гг.

Место Турции во внешнеполитическом планировании и деятельности ФРГ было значительным со времен холодной войны. С 1950-х гг. Федеративная Республика Германия выступала ключевым государством – реципиентом турецких мигрантов, стремившихся осесть в Европе. В 2010-е гг. число турок на территории ФРГ достигало примерно 3 млн, причем большинство из них имели немецкое гражданство [Beziehungen zu Deutschland..., 2018]. В сочетании с социальной обособленностью мигрантов и их потомков размеры турецкой общины сделали ее важным фактором внутривнутриполитической жизни Германии, в том числе с точки зрения обеспечения национальной безопасности.

В условиях расширения НАТО на восток, и особенно юго-восток (Румыния, Болгария и некоторые постюгославские государства), с середины 2010-х гг. геополитическая значимость Турции для Германии и ее ближайших партнеров по альянсу существенно возросла. Так, именно от официальной Анкары зависели сроки развертывания в августе 2008 г. в Черном море эскадры стран – участниц блока (в том числе двух фрегатов бундесмарине). Эта группировка использовалась как инструмент поддержки Грузии после ее попытки силой решить «югоосетинский вопрос» и ответной операции вооруженных сил Российской Федерации по принуждению агрессора к миру [Краткая хронология..., 2008].

Еще большее значение для ФРГ фактор Турции обрел в начале 2010-х гг. – в условиях роста нестабильности на Ближнем Востоке, прежде всего в связи с вооруженным конфликтом в Сирии.

«СИРИЙСКАЯ ПРОБЛЕМА»:

ЗИГЗАГООБРАЗНОСТЬ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ГЕРМАНИЕЙ И ТУРЦИЕЙ

На фоне возникновения (2011) и экспансии вооруженного конфликта в Сирии становилась очевидной несовместимость долгосрочных целей Германии и Турции. Главной задачей для ФРГ становилось обеспечение подписания Сирийской Арабской Республикой (САР) соглашения об ассоциации с ЕС, что могло бы превратить Сирию в один из главных компонентов «пояса безопасности» вокруг внешних границ Европейского союза. С одной стороны, буферная зона позволяла бы «гасить» большую часть угроз для ЕС извне, с другой – сформировать группу стран, которые могли бы постепенно инкорпорировать западные ценности и принципы в сфере безопасности. Официальная Анкара в своем стремлении добиться (в том числе опираясь на идеологию неоосманизма) статуса регионального лидера не была готова принять подобный подход.

Однако на первом этапе взаимоотношений сторон по «сирийскому вопросу» – с весны 2012 г. до августа 2015 г. – эти разногласия не были препятствием на пути к развитию сотрудничества. Так, разорвав дипломатические отношения с официальным Дамаском, в 2012 г. Германия и Турция вошли в состав группы «Друзья Сирии», созданной в целях взаимодействия с «умеренной» сирийской оппозицией. Несмотря на выход из группы во второй половине 2012 г. большинства государств – ее участников, Берлин и Анкара остались членами группы; более того, Турция выступала в качестве организатора многих ее встреч в 2012–2014 гг.

4 декабря 2012 г. страны – участницы НАТО, в том числе Германия, положительно отреагировали на просьбу Турции о развертывании группировки войск ПВО на ее южных границах в связи с разрастанием вооруженного конфликта в Сирии. Уже 14 декабря 2012 г. бундестаг одобрил запрос правительства о выделении четырех батарей комплексов ПВО системы «PATRIOT» и контингента с «потолком» в 400 военнослужащих для их обслуживания и охраны. Изначально планировалось, что эти силы останутся на юге Турции как минимум до января 2018 г.; германские войска прибыли на место в январе 2013 г. [*Türkei – AF TUR...*, 2016]. Чем объяснялось данное решение Германии? Во-первых, проявлением солидарности с партнерами по НАТО, прежде всего с США и Нидерландами, также развернувшими силы ПВО [*Ibid.*] (что было особенно важным после отказа Берлина участвовать в военной кампании в Ливии в 2011 г.), и с Турцией – в деле обеспечения ее безопасности. Во-вторых, Германия стремилась не допустить возникновения в турецком воздушном пространстве таких инцидентов, которые могли бы стать предлогом для полномасштабного вмешательства НАТО в ход вооруженного конфликта. Кроме того, ФРГ стремилась избежать боевого использования войск бундесвера на территории САР [Трунов, 2016, с. 171–179]. В-третьих, присутствие бундесвера (формально в строго оборонительных целях) могло рассматриваться в качестве поддержки «умеренной» оппозиции, в том числе как свидетельство особого внимания Германии к ситуации в Сирии.

Однако уже в августе 2015 г. бундестаг в согласии с правительством ФРГ принял решение о досрочном выводе группировки войск ПВО из Турции. В октябре того же года в Германию были возвращены все комплексы системы «PATRIOT» и большая часть военных [*Abzug der deutschen...*, 2015]; полностью этот процесс был завершен в декабре 2016 г. [*Türkei – AF TUR...*, 2016]. Чем объяснялся столь резкий поворот во взаимодействии с Турцией? Во-первых, контингент бундесвера (как и контингенты Нидерландов и США, выведенные вслед за ФРГ) не перехватил за 2,5 года ни одного самолета из САР. Иными словами, партнеры Анкары по Альянсу убедились в серьезной переоценке ими угроз безопасности. Во-вторых, сказалось и возникновение политических «раздражителей» в германо-турецких отношениях. Общественность ФРГ критиковала официальную Анкару за отсутствие эффективной помощи ЕС в деле преодоления начавшегося масштабного миграционного кризиса, за гонения на «Рабочую партию Курдистана» и за стремление Реджепа Тайипа Эрдогана к абсолютизации власти. В частности, один из лидеров германской партии «Зеленых», Юрген Триттин, выражая мнение значительной части депутатского корпуса бундестага, заявил: «НАТО предназначена для обороны от внешних врагов, а не для защиты авторитарных режимов» [*Abzug der deutschen...*, 2015].

В-третьих, обеспокоенность официального Берлина не могли не вызывать активизация боевиков «Исламского государства» (ИГ)¹, «Джебхат ан-Нусры» и дружественных им сил вблизи турецкой границы, а также наличие их вербовочных лагерей в самой Турции. Небольшой германский контингент войск ПВО мог стать объектом для нападения, что привело бы к военному втягиванию Германии в сирийский конфликт.

Наконец, 30 сентября 2015 г. началась операция российских Вооруженных сил (основу группировки составляли ВКС) в Сирии по борьбе с терроризмом. В связи с этим недружественная позиция Турции по отношению к действиям РФ удваивала риски возникновения в регионе военно-политического конфликта между странами – участницами НАТО и Россией. Примечательно, что российский бомбардировщик Су-24 был сбит 24 ноября 2015 г. с турецкой территории вблизи района, откуда всего месяцем ранее была выведена группировка ПВО бундесвера.

¹ Запрещенная в России террористическая организация. – *Прим. авт.*

Параллельно в декабре 2014 г. Германия, как и ряд ее партнеров по ЕС (в том числе Франция, Италия, Швеция), приступила к развертыванию военно-тренировочной миссии на севере Ирака (район г. Эрбиль), в рамках которой одновременно проходили переподготовку бойцы курдских сил самообороны, а также подразделения иракской правительственной армии. И тем, и другим поставлялись стрелковое оружие и боеприпасы, а с 2016 г. – средства противотанковой обороны. Оказание военной помощи обуславливалось сохранением целостности Ирака. Силами германской миссии («потолок» ее численности к началу 2016 г. был увеличен до 150 военных) уже к февралю 2015 г. были обучены свыше 4.8 тыс. бойцов пешмерга (курдских военизированных формирований) и военнослужащих армии Ирака; командные кадры проходили подготовку в самой Германии [Antrag der Bundesregierung..., 2016, S. 1–5]. В отличие от их деятельности в Афганистане, в Ираке офицеры бундесвера работали в основном не с новобранцами, а с опытными бойцами, что существенно снижало сроки и повышало эффективность обучения.

Параллельно активно (и зачастую неофициально) ФРГ осуществляла поставки вооружений курдским силам самообороны на севере Сирии, что позволяло реципиентам германской (и ЕС в целом) военной помощи активизировать борьбу с ИГ: к концу 2016 г. был полностью очищен от боевиков иракский район Найнава. Однако Анкара рассматривала осуществление военных поставок курдам как недружественный по отношению к ней шаг. Поддержка курдских формирований на севере Ирака и Сирии стала одной из причин ограниченности успехов – как военных, так и политических – силовых операций турецкой армии в тех регионах. То есть военные действия Германии блокировали возможные шаги ее оппонента – Турции.

Иными словами, качественно изменился характер германо-турецкого сотрудничества в решении «сирийского вопроса», прежде всего из-за того, что Турция перестала рассматриваться истеблишментом ФРГ как государство, реально встроенное в евроатлантическую региональную подсистему. Поворот Анкары к ослаблению взаимодействия с партнерами по НАТО и ее «заигрывание» с некоторыми террористическими группировками (в том числе с «Джебхат ан-Нусрой») на территории САР не могли не привести к прекращению восприятия Германией Турции как возможного партнера. Соответственно исчезла и озабоченность ФРГ безопасностью Турции, на смену которой пришел прагматизм. Как показал второй этап развития диалога по «сирийской проблеме» (сентябрь 2015 г. – осень 2017 г.), в Берлине не исключали поворота во внешней политике Турции, но осознавали необходимость максимального использования ее выгодного геополитического положения для обеспечения интересов Германии на Ближнем Востоке.

4 декабря 2015 г. ФРГ присоединилась к западной антитеррористической коалиции, созданной по инициативе США в сентябре 2014 г. для борьбы с ИГ в Сирии и Ираке. Ключевым компонентом миссии бундесвера стала группировка вспомогательной (разведывательной и заправочной, численностью до 12 машин) авиации, дислоцированная на базе Инджирлик в Турции [Der Einsatz..., 2018]. Решение разместиться именно на этой базе объяснялось отсутствием в регионе других аэродромов, которые могли бы использоваться люфтваффе. Германия и Турция получили возможность продемонстрировать солидарность в рамках НАТО.

Однако уже в июне 2017 г. бундестаг при согласии правительства ФРГ принял решение о досрочном полном выводе группировки бундесвера из Инджирлика. В сентябре 2017 г. личный состав (примерно 400 военнослужащих) и вся техника были перебронированы на аэродром «Аль-Ашрак» на территории Иордании [Letzte Deutsche..., 2017]. Официальной причиной решения стал отказ Анкары предоставить группе депутатов бундестага доступ в Инджирлик для посещения расположенного там германского контингента. Тем самым, как полагали в Берлине, турецкие власти продемонстрировали неуважение к парламентским принципам ФРГ [Ibid.]. В свою очередь поведение Анкары можно объ-

яснить ее реакцией на критику со стороны Германии и ЕС роста властных полномочий лично Эрдогана и на выжидательную позицию европейских членов НАТО во время попытки военного переворота в Турции 15–16 июля 2016 г.

Свою роль сыграли и возрастающие расхождения по «сирийскому вопросу». Во-первых, начал все более различаться спектр тех антиисадовских сил, с которыми Германия и Турция были готовы поддерживать контакты. Если Берлин делал ставку на «умеренную» оппозицию (в том числе на часть сил «Свободной сирийской армии»), то Анкара – на такие радикальные силы, как «Джебхат ан-Нусра» (с июля 2016 г. «Джабхат Фатх аш-Шам»). Показательно в этой связи отсутствие германо-турецкого взаимодействия во время штурма проправительственными сирийскими войсками Алеппо (май – декабрь 2016 г.), взятие которого ослабило позиции обеих стран НАТО в САР. На этом фоне поддержка (в том числе военная) курдов [*Antrag der Bundesregierung...*, 2016, S. 1-5] со стороны ФРГ начала все более восприниматься официальной Анкарой как препятствие реализации германских интересов на севере Сирии и Ирака.

Во-вторых, Турция совместно с Россией и Ираном стала инициатором запуска 23–24 января 2017 г. «Астанинского процесса» по урегулированию ситуации в Сирии; страны Запада не играли в этом процессе сколько-нибудь заметной роли.

Эти события привели к переходу на третьем этапе (с осени 2017 г.) германо-турецких контактов по «сирийскому вопросу» в стадию точечного прагматичного взаимодействия. Оно осуществлялось почти исключительно в политической, а не в военной плоскости. Так, Турция не была приглашена в состав «Малой группы» по Сирии с ведущим участием Германии, Франции и США. Этот формат, созданный в 2018 г. во многом как альтернативный Астанинскому, стал позиционироваться западными державами как главная площадка для разработки планов экономического постконфликтного восстановления САР [*Joint Statement...*, 2018]. Следует отметить, что реализация подобного сценария для Турции может привести к резкому ослаблению позиций официальной Анкары в Сирии.

При этом ФРГ, совместно с Францией, ищет возможности органичного встраивания в «Астанинский процесс». Помимо углубления диалога с Ираном на достижение этой цели направлен запуск нового четырехстороннего (Россия, Турция, Германия и Франция) формата; первая встреча стран – его участников на высшем уровне состоялась 27 октября 2018 г. [*Совместное заявление...*, 2018]. Переговоры показали рост заинтересованности сторон во взаимодействии. Германия и Франция были вынуждены признать невозможность развития политического процесса в САР без участия РФ и Турции. Кроме того, они могли бы выступить ключевыми донорами восстановления сирийской экономики. Все это позволяет надеяться на прогресс в деле урегулирования «сирийской проблемы» и создает предпосылки для возобновления прагматичного взаимодействия Берлина и Анкары в решении этого вопроса на фоне «пробуксовывания» большинства других направлений их диалога. «Лакмусовой бумажкой» дееспособности вновь созданного формата становится вопрос обеспечения безопасности в сирийской провинции Идлиб, где концентрируются значительные формирования боевиков, с частью группировок которых турецкие власти продолжают поддерживать контакты.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 2010-х гг.

Развитие вооруженного конфликта в Сирии поставило в повестку дня вопрос реформирования политической составляющей отношений между Германией и Турцией.

В 2015 г. было принято решение о создании двустороннего формата межправительственных консультаций с интенсивностью встреч на высшем уровне один раз в два года. Первая апробация нового механизма была осуществлена канцлером Германии Ан-

гелой Меркель и министром иностранных дел Турции Ахметом Давутоглу 22 января 2016 г. [*Beziehungen zu Deutschland...*, 2018]. В связи с этим примечательны, во-первых, сроки создания двустороннего формата; во-вторых, частота использования канала межправительственного взаимодействия (с другими ведущими партнерами по НАТО Германия встречается ежегодно; один раз в два года глава правительства ФРГ встречается со своими визави из Латинской Америки и Азии, а также из малых и средних государств ЕС). В-третьих, показательное отсутствие механизма регулярных встреч с турецкой стороной на уровне глав МИД, хотя подобный формат переговоров активно используется Германией для углубления сотрудничества с широким кругом государств, особенно Восточной и Северной Европы. Представленные факты свидетельствуют о дефиците доверия в германо-турецких отношениях, в том числе об отсутствии восприятия истеблишментом ФРГ официальной Анкары как одного из наиболее значимых партнеров.

В Турции действует несколько германских неправительственных организаций, имеющих политический, научный и культурно-просветительский характер. Так, представительства Гёте-Института функционируют в Стамбуле, Измире и Анталии; параллельно работают четыре фонда: Конрада Аденауэра (ориентирован на правоцентристский Христианско-демократический союз – ХДС), Фридриха Наумана (близок к правой Свободной демократической партии – СвДП), Генриха Бёлля (проводит линию «Зелёных») и Фридриха Эберта (связан с левоцентристской Социал-демократической партией Германии – СДПГ). Примечательно отсутствие в этом списке фондов Ханса Зайделя (близок к Христианско-социальному союзу – ХСС) и Розы Люксембург («Левые»), осуждающих Эрдогана за стремление к расширению своих полномочий, за превращение Турции из парламентской республики в президентскую (де-юре в результате референдума 2017 г.) и за ограничение гражданских свобод.

Так, «Левые» инициировали парламентский запрос федеральному правительству и ряд протестных акций в связи с визитом Эрдогана в ФРГ 28 сентября 2018 г. [*Kleine Anfrage...*, 2018]. В свою очередь баварский Христианско-социальный союз критикует турецкую модель поведения при решении проблемы сдерживания потока беженцев. Еще более жесткий и последовательный подход в данном вопросе отстаивает крайне правая в партийно-политическом спектре ФРГ «Альтернатива для Германии» (АдГ). Рост влияния «левых» и особенно АдГ (впервые прошедших в бундестаг в 2017 г. и имеющих шанс расширить свое представительство по итогам следующих выборов) на фоне глубокого раскола между ХДС и ХСС резко сокращает возможность маневрирования в отношениях с Турцией для Четвертого кабинета А. Меркель, к тому же ушедшей в 2018 г. с поста председателя ХДС.

Ситуация усугубляется все большим дистанцированием официальной Анкары от ЕС. Турция критически относится к активизации деятельности Евросоюза на мировой арене, и особенно к попыткам наращивания его военно-политического потенциала, осуществляемым при участии Германии. Так, одним из главных мотивов заявленной Реджепом Эрдоганом на Брюссельском саммите НАТО (10–11 июля 2018 г.) готовности увеличить количество турецких войск и штабов, находящихся в оперативном подчинении командных структур Альянса, стала реакция на инициирование Европейским союзом в ноябре 2017 г. программы Постоянного структурированного сотрудничества по вопросам безопасности и обороны (PESCO, Permanent Structured Cooperation) для углубления военно-технической и технологической кооперации в сферах штабного планирования, логистической и медицинской поддержки операций вооруженных сил стран ЕС (в том числе за пределами традиционной зоны ответственности НАТО).

Помимо разочарования результатами взаимодействия во время миграционного кризиса 2015–2016 гг. (Анкара надеялась на большую финансовую помощь; ЕС – на превра-

шение Турции в эффективный барьер на пути сдерживания мигрантов) существует широкий спектр военно-политических противоречий, усиливавшихся в 2010-е гг. Во-первых, официальная Анкара была недовольна решением ЕС о принятии в 2004 г. Кипра в состав Евросоюза – прежде всего из-за разногласий между этой страной и признаваемым Турцией Северным Кипром. Во-вторых, наблюдается усиление военно-политической конкуренции между ЕС и официальной Анкарой на севере Сирии и Ирака – в районах, прилегающих к турецкой территории. В-третьих, турецкие власти раздражены растущей критикой их со стороны различных политических сил в ЕС за несоблюдение основных прав и свобод, в частности за запреты деятельности иностранных журналистов [*Antwort der Bundesregierung...*, 2017, S. 1].

Анкара не проявляет энтузиазма в отношении стремления ФРГ и ее партнеров по ЕС наладить межведомственное сотрудничество в деле мониторинга террористических угроз в Европе и на сопредельных территориях. Так, попытка добиться этого в ходе поездки представительной делегации МВД Германии в Турцию 2–3 февраля 2017 г. завершилась фиаско: не удалось ни выработать конкретного плана действий, ни даже договориться об ответном визите. Переговоры провалились, несмотря на то что германские представители не стали затрагивать «проблемных узлов» в отношениях между Турцией и ЕС в целом [*Ibid.*, S. 2–3], тем самым подчеркнув двусторонний характер консультаций.

Однако во взаимоотношениях Германии, позиционирующей себя в качестве лидера ЕС, и Турции имеются и важные «точки соприкосновения». Одна из них – поддержка Анкарой усилий «евротройки» (Германия, Франция, Великобритания) по сохранению иранской «ядерной сделки», несмотря на выход из нее США (8 мая 2018 г.) [*Die Wiener Vereinbarung...*, 2018]. Вместе с тем в данном контексте для Турции более значимыми партнерами, нежели ЕС, являются сам Иран, а также Россия и Китай.

Другая «точка соприкосновения», появившаяся весной – летом 2018 г., – урегулирование нагорно-карабахского конфликта. Ранее официальное признание Германией геноцида армян на территории Османской империи в 1915–1916 гг. в виде резолюции бундестага (июнь 2016 г.) оказало серьезное негативное влияние на германо-турецкие отношения [*Beziehungen zu Deutschland...*, 2018], в том числе на перспективы их взаимодействия в Закавказье. Однако ситуация изменилась после указания правительства ФРГ на то, что оно рассматривает Нагорный Карабах как часть Азербайджана [*Antwort der Bundesregierung...*, 2018, S. 9]. Впрочем, речь в данном случае идет скорее об удачном стечении обстоятельств, нежели о готовности Германии учитывать позицию Турции, традиционно поддерживающей Баку.

Подход ФРГ к урегулированию вооруженных конфликтов в Закавказье (как и в целом на постсоветском пространстве) предполагает примирение сторон и обеспечение последующей ассоциации одной из конфликтующих сторон (обычно более сильной) с ЕС. В условиях избрания Арменией евразийского (а не евроатлантического) вектора развития ФРГ четко обозначила свою готовность поддерживать Азербайджан. Наметившееся сближение с Турцией по этому вопросу Германия сможет использовать для утверждения себя в качестве значимого игрока в процессе урегулирования в Нагорном Карабахе, в решении проблем которого до середины 2010-х гг. ФРГ не участвовала.

Развитию германо-турецких отношений в известной мере способствует возросшая интенсивность государственных визитов лидеров двух стран. Так, осенью 2017 г., несмотря на затянувшийся (с сентября 2017 г. по март 2018 г.) кризис с формированием нового кабинета, поездки в Анкару совершили федеральный президент Ф.-В. Штайнмайер и канцлер А. Меркель [*Beziehungen zu Deutschland...*, 2018]. 28 сентября 2018 г. визит в Берлин нанес Реджеп Тайип Эрдоган [*Bundeskanzlerin Merkel...*, 2018]. Этот обмен визитами уместно рассматривать в качестве промежуточного результата на пути к созданию в конце октября 2018 г. четырехстороннего формата по Сирии.

На этом фоне по-прежнему ограниченным остается взаимодействие Германии и Турции в рамках НАТО. Главная причина этого – слабая заинтересованность Анкары в использовании политических структур Альянса для решения актуальных проблем безопасности. Хотя турецкое участие в деятельности НАТО в настоящее время более активно, чем в начале 2010-х гг., оно носит во многом избирательный характер. Так, в отличие от ФРГ, Турция практически не участвует в наращивании сил передового присутствия Альянса в Восточной и Юго-Восточной Европе. Вместе с тем на Брюссельском саммите НАТО (10–11 июля 2018 г.) Эрдоган заявил о готовности Турции в 2020–2021 гг. выделить подразделения для комплектования бригад повышенной боевой готовности и сил быстрого реагирования Альянса [*Turkey Prepares...*, 2018]. Надо сказать, что Германия в рамках очередности среди крупных и средних государств НАТО предоставляла подобные контингенты в 2014–2015 гг. В свою очередь в 2018 г. турецкие власти предложили выделить контингент для комплектования 30 батальонных тактических групп и 30 поддерживающих их эскадрилий армейской авиации в качестве постоянных резервов НАТО. Кроме того, в подчинение Альянса передается штаб 3-го армейского корпуса [*Ibid.*] (именно его офицеры сыграли ключевую роль в выступлении против Эрдогана 15–16 июля 2016 г.). Представляется, что главной предпосылкой углубления именно военного сотрудничества в рамках НАТО является ослабление ВС Турции на всех уровнях в результате «чисток», начавшихся в 2016 г. Однако на развитие собственно германо-турецких отношений это оказало ограниченное влияние, о чем свидетельствует дважды осуществленный ФРГ демонтаж инструментов военной поддержки Турции в 2015–2017 гг. Это уместно проиллюстрировать падением объемов двустороннего военно-технического сотрудничества.

ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ДВУСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЙ

Значимой проблемой в германо-турецких отношениях является масштабное снижение в 2010-е гг. объемов военно-технического сотрудничества. Так, в 2017 г. Анкара закупила в ФРГ вооружений, военной техники и других военных материалов в шесть раз меньше, чем в 2010 г., выбыв таким образом из группы 20 ключевых импортеров военной продукции из Германии (*Таблица 1*). При этом с 2013–2014 гг. существенно изменилась и структура германского экспорта: уменьшилась доля тяжелой военной техники и запчастей к ней.

Таблица 1

Экспорт вооружений ФРГ в Турцию в 2010–2017 гг.²

Год	Объем экспорта ³ (число сделок)	Место в списке топ-20 государств-импортеров	Основные статьи экспорта ⁴
2010	198.9 млн евро (267)	6	Танки, грузовики, запчасти для самолетов
2011	139.5 млн евро (393)	13	Грузовики, БТР, запчасти для танков, амфибии, торпеды, стрелковое оружие
2012	89.0 млн евро (397)	15	Грузовики, БТР, запчасти для танков, амфибии, подводные лодки (ПЛ), оборудование для фрегатов и ПЛ

² Таблица составлена на основе данных ежегодных докладов федерального правительства по экспортной политике в области обычных (конвенциональных) вооружений за 2010–2017 гг.

³ В ценах того года, который указан. – *Прим. авт.*

⁴ Для стран – участниц ЕС и НАТО (и союзников НАТО) эти данные раскрываются только в случае попадания в число топ-20 по объему военного экспорта ФРГ. – *Прим. авт.*

Год	Объем экспорта ³ (число сделок)	Место в списке топ-20 государств-импортеров	Основные статьи экспорта ⁴
2013	84.0 млн евро (395)	20	Грузовики, БТР, запчасти для танков, взрывные устройства, топливозаправочные машины, средства связи и навигации
2014	77.2 млн евро (336)	18	Производственное оборудование, стрелковое оружие
2015	38.9 млн евро (270)	–	...
2016	83.9 млн евро (213)	20	Силовые установки и запчасти к ним и самолетам, средства связи и навигации
2017	34.2 млн евро (138)	–	Силовые установки и запчасти к ним и самолетам, средства связи и навигации

Показательно, что с точки зрения политической приоритетности развития военнотехнического сотрудничества для ФРГ Турция входит во вторую категорию – государств НАТО и официальных партнеров Альянса, не являющихся членами ЕС. Соответственно именно страны – члены ЕС (в том числе Кипр) составляют первую категорию, что является еще одним «раздражителем» для двусторонних отношений.

Безусловно, большую роль в снижении объемов военного экспорта ФРГ сыграло расхождение позиций сторон по иракскому и особенно сирийскому вопросам. Так, германские власти, в том числе в неофициальном порядке, стали вводить ограничения на продажу Турции тяжелой техники в связи с проведением ею военных операций на севере Ирака, наиболее активная фаза которых пришлась на период с декабря 2014 г. по январь 2017 г., и севере Сирии, в частности в районе г. Африн (февраль – март 2014 г.). В этой связи обращает на себя внимание, во-первых, одновременное использование обеими конфликтующими сторонами – турецкими войсками и курдскими силами самообороны – вооружений и военной техники, произведенных в странах НАТО, в основном в Германии, США и Франции. Во-вторых, в указанных операциях ключевая роль отводилась именно «тяжелым» бригадам ВС Турции, основу которых составляли бронетанковые и мотопехотные подразделения, оснащенные оружием и техникой германского производства. Как показано в Таблице 2, парк бронетехники ВС Турции к середине 2010-х гг. полностью состоял из основных боевых танков (ОБТ) иностранного (США, ФРГ) производства, причем именно Германия с начала XXI в. являлась де-факто ключевым поставщиком новых ОБТ в Турцию.

Таблица 2

Состав танкового парка ВС Турции (ноябрь 2016 г.)

Тип танка	«Леопард 2А4»	«Леопард-1»	М60	М48	Всего
Число единиц	354	397	929	1 376	3056
Удельный вес	11.6 %	13 %	30.4 %	45 %	100 %

Источник: [Храмчихин, 2016]

Серьезным уменьшением объемов поставок новых танков и комплектующих к ним ФРГ создала препятствие массированному использованию Турцией своих бронетанковых и механизированных войск из-за сложностей с ремонтом и восполнением потерь парка ОБТ. Этот фактор (наряду с продолжением активных поставок вооружений, в том числе средств противотанковой обороны, курдам) сыграл важную роль в отказе Турции от масштабного наращивания операций на севере Ирака и в Сирии.

В свою очередь, официальная Анкара стремится уменьшить импортозависимость в деле оснащения своих войск оружием и военной техникой. Существенных успехов Турции удалось добиться в производстве боевых разведывательных машин (БРМ), боевых машин пехоты (БМП) и бронетранспортеров (БТР). Так, 100% БРМ (1142 единицы, типы «Кобра» и «Акреп») и БМП (650 единиц, типа AIFV) ВС Турции – собственного производства; для БТР этот показатель составляет 30–35% (до 1975 единиц типов ACV-3000, «Парс», «Кипри» из общего числа в 5.5 – 6 тыс.) [Храмчихин, 2016].

С 2020 г. планируется начать поставки турецкой армии произведенного в Турции ОБТ «Алтай». Кроме того, налаживается производство техники иностранной разработки. Так, большинство самолетов F-16 (240–246 единиц) были собраны на турецкой территории по американской лицензии [Там же]. Наконец, турецкое руководство стремится к развитию военно-технического сотрудничества с партнерами вне НАТО – в том числе с Россией. Однако вопрос о перспективах этого сотрудничества остается открытым.

По остальным видам военной техники, в частности по артиллерийским системам и различным видам надводных и подводных кораблей, Анкаре пока не удалось добиться сколько-нибудь существенных успехов в деле импортозамещения. Соответственно, для ФРГ (и США) сохраняется возможность непрямого влияния на возможность Турции проводить масштабные военные операции.

* * *

В 2010-е гг. заметно снизился уровень практического сотрудничества Германии и Турции в политико-военной сфере и, главное, поменялся его характер: на смену стратегическому партнерству пришло прагматичное взаимодействие на фоне расхождения позиций сторон по большинству вопросов, прежде всего по «сирийской проблеме», что оказало сильное негативное влияние на взаимное восприятие ЕС и Турции, на германо-турецкие отношения в рамках НАТО и на двустороннее военно-техническое сотрудничество. Причем на каждом из этих направлений растет число внутренних, т.е. не связанных с Сирией, «раздражителей» в отношениях между двумя государствами, утверждающимися в статусе региональных лидеров.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Краткая хронология миротворческой операции по принуждению Грузии к миру. 30 сентября 2008 г. [Short chronology of the peacekeeping operation to force Georgia to peace. September 30, 2008 (in Russian)] <http://www.mid.ru/bdomp/ns-reuro.nsf/348bd0da1d5a7185432569e700419c7a/b700d6f9f6ff614ec325752e00504f75!OpenDocument> (дата обращения 21.11.2018).

Павлов Н. В. *Внешняя политика ФРГ в постбиполярном мире.* М.: Наука, 2005 [Pavlov N. V. *German foreign policy in the post-bipolar world.* Moscow: Nauka, 2005 (in Russian)].

Совместное заявление Президентов Турецкой Республики, Французской Республики, Российской Федерации и Канцлера Федеративной Республики Германия. 27 октября 2018 г. [Joint statement by the Presidents of the Republic of Turkey, the French Republic, the Russian Federation and the Chancellor of the Federal Republic of Germany. October 27, 2018 (in Russian)] <http://kremlin.ru/supplement/5351> (дата обращения 21.11.2018).

Сулейманов А.В. Идеология А. Давутоглу и внешняя политика Турции. *Вестник РУДН. Серия: Международные отношения.* 2015. № 3. С. 135–143 [Suleimanov A.V. Davutoglu's Ideology and Turkish foreign policy. *Vestnik RUDN. International Relations.* 2015. No. 3. Pp. 135–143 (in Russian)].

Трунов Ф.О. Политика ФРГ в ходе ливийского (2011) и сирийского (2013) военно-политических кризисов. *Актуальные проблемы Европы.* 2016. № 3. С. 164–185 [Trunov Ph. O. German policy during the Libyan (2011) and Syrian (2013) military-political crises. *Current problems of Europe.* 2016. No. 3. Pp. 164–185 (in Russian)].

Храмчихин А. Ограниченный имперский контингент. 28.11.2016 [Hramchihin A. Limited Imperial contingent. 28.11.2016 (in Russian)] <https://vpk-news.ru/articles/33940> (дата обращения 21.11.2018).

Шлыков П.В. Ближневосточная дилемма безопасности Турции: от сотрудничества с Западом в борьбе с терроризмом к опоре на джихадистов в региональной геополитике. *Актуальные проблемы Европы*. 2017. № 4. С. 35–65 [Shlykov P.V. Turkey's Middle East security dilemma: from cooperation with the West in the fight against terrorism to reliance on jihadists in regional geopolitics. *Current problems of Europe*. 2017. No. 4. Pp. 35–65 (in Russian)].

Abzug der deutschen Patriot-Systeme aus der Türkei [Bundeswehr-Journal], 16. August 2015. <http://www.bundeswehr-journal.de/2015/abzug-der-deutschen-patriot-systeme-aus-der-tuerkei/> (accessed 21.11.2018).

Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung deutscher Streitkräfte zur Ausbildungsunterstützung der Sicherheitskräfte der Regierung der Kurdisten-Irak und der irakischen Streitkräfte. Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. Drucksache 18/7207, 06.01.2016. 8 S.

Antwort der Bundesregierung auf die Kleine Anfrage des Abgeordneten S. Dagdelen, U. Jelpke, A. Groth, weiterer Abgeordneter und der Fraktion DIE LINKE. Drucksache 18/11322. Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. Drucksache 18/11492, 13.03.2017. 8 S.

Antwort der Bundesregierung auf die Kleine Anfrage des Abgeordneten Dr. A. Friesen und der Fraktion der AfD. Drucksache 19/1322. Deutsch-armenische Beziehungen. Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/2097, 14.05.2018. 24 S.

Beziehungen zu Deutschland [von Türkei]. Stand: September 2018. <https://www.auswaertiges-amt.de/de/aussenpolitik/laender/tuerkei-node/bilateral/201968> (accessed 21.11.2018).

Bundeskanzlerin Merkel empfängt den türkischen Präsidenten Erdoğan. 21 September 2018. <https://www.bundesregierung.de/breg-de/aktuelles/bundeskanzlerin-merkel-empfaengt-den-tuerkischen-praesidenten-erdogan-1522156> (accessed 21.11.2018).

Der Einsatz Counter Daesh / Capacity Building Iraq (2018). http://www.einsatz.bundeswehr.de/portal/a/einsatzbw/start/aktuelle_einsaetze/irak/hintergrund!/ut/p/z1/04_Sj9CPyKssy0xPLMnMz0vMAfIjo8z inSx8QnyMLI2MXNzNjQ0cAy2CHc1cjA0MLA30wwkpiAJKG-AAjgb6wSmp-pFAM8xxm2GqH_6wf pR-VIViWWKFXkf9UkpNaopeYDHKhfmRGYI5KTmpAfrlJRKAgN6LcoNxREQB2FqPX/dz/d5/L2dBISEvZ0FBIS9nQSEh/#Z7_B8LTL2922DG730AQ8SA6D30095 (accessed 21.11.2018).

Die Wiener Vereinbarung: Lösung des Nuklearstreits mit Iran. 2018. <http://www.auswaertiges-amt.de/de/aussenpolitik/regionaleschwerpunkte/naehermittlererosten/iranisches-nuklear-programm-node> (accessed 21.11.2018).

Heribert D. *Deutschlands zweischneidige Außenwirtschaftspolitik*. SWP-Studie, 2018.

Joint Statement by the Foreign Ministers of the Small Group on Syria. 27.09.2018. <https://www.auswaertiges-amt.de/en/newsroom/news/joint-statement-syria-small-group/2141512> (accessed 21.11.2018).

Kleine Anfrage der Abgeordneten D. Achelwilm, P. Sitte, S. Barrientos, Ch. Buchholz, B. Freihold, N. Gohlke, A. Hunko, U. Jelpke, T. Pflüger, M. Renner, K. Tackmann, K. Vogler, K. Werner und der Fraktion DIE LINKE. Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/5149, 18.10.2018.

Letzte Deutsche Soldaten verlassen Incirlik. 28.09.2017. <https://www.auswaertiges-amt.de/de/aussenpolitik/laender/tuerkei-node/bilateral/201968> (accessed 21.11.2018).

Seufert G. (Hg.). *Der Aufschwung kurdischer Politik*. SWP-Studie, 2015.

Türkei – AF TUR (Active Fence Turkey). 2016. http://www.einsatz.bundeswehr.de/portal/a/einsatzbw/start/abgeschlossene_einsaetze/aftur!/ut/p/z1/hU5NC4IwGP4tHbzufZmV1m2dpESCgnSXWL pmsTZZy_XzMzwFRc_t-eQBDiVwI_qLEv5ijDAdR_j8uErzfU4XIO43cYwsKxbFNJsiUgqHfwE-2PgDD GHXSKiGjeT3RgI74MCvohdP0lntntfRE1O-HULXCNFpubc1GYQ1caXsazrNziMF3MmzdNKRhxvk1 vvuvowwwhACUdYqLYI7RPit0dq7h_ljCN2tDBjPdJ-zyQuFDI6f/dz/d5/L2dBISEvZ0FBIS9nQSEh/#Z7_B8LTL2922TK330AHN9N4H40027 (accessed 21.11.2018).

Turkey Prepares for More Roles in NATO (2018). <http://www.atlanticcouncil.org/blogs/natosource/turkey-prepares-for-more-roles-in-nato> (accessed 21.11.2018).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ТРУНОВ Филипп Олегович – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Отдела Европы и Америки Института научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия.

Philipp O. TRUNOV, PhD in Political Sciences, Senior Research Fellow, Department of Europe and America, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.